

**ОРИЕНТАЦИОННАЯ МЕТАФОРА "ВЕРХ/НИЗ" И КОНЦЕПТ
"ГОРДИНЯ/СМИРЕНИЕ" В ХРИСТИАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
ДРЕВНЕЙ РУСИ**

У статті проаналізовані концептуальні зв'язки орієнтаційної опозиції "верх/низ" із дихотомічним концептом ГОРДИНЯ/СМИРЕННЯ, сформованим у колективній свідомості східних слов'ян під впливом християнської релігії.

Ключові слова: дихотомічний концепт, діахронічний концепт, просторово-орієнтаційна когнітивна метафора, лінгвокультура Давньої Русі.

The conceptual relations of the orientation opposition "top / bottom" with dichotomous concept of PRIDE / HUMILITY, which was formed in the collective consciousness of the eastern Slavs under the influence of the Christian religion are analyzed.

Key words: dichotomous concept, diachronic concept, spatial and orientation cognitive metaphor, Old Russia linguistic culture.

Пространственно-ориентационные концепты исследуются в отечественном и зарубежном языкознании на материале мифологии, памятников письменности, современных дискурсов (Дж. Лайонз, К. Леви-Строс, Д. Лихачев, Е. Евтушенко, Н. Коч). Изучая универсальные оппозиции пространства как межкультурные, ученые пришли к выводу, что когнитивные карты локализации человека во вселенной как психическая основа ориентационных метафор и абстрактных концептов испытывают большое влияние телесного кода (А. Потебня, Вс. Иванов, В. Топоров, В. Телия, Ю. Степанов, Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.).

Установление особенностей характера взаимосвязи телесной конституции человека и метафорического осмысления реальности через бинарности типа "верх/низ", "правый/левый", "передний/задний", "центральный/периферийный" и др. в контексте духовной и материальной культуры Древней Руси показывает, что первые оппозиции (верх, правый, внутри, передний, центральный) занимают высокую статусную позицию. Закрепившиеся ассоциации "верхний – это больший, лучший, умный и т. п.", "нижний – это меньший, худший, глупый и т. д." последовательно прослеживаются в самых ранних памятниках восточнославянской письменности: *З добрымъ бо думцею думая, князь висока стола добудеть, а с лихимъ думцею думая – меншего лишенъ будетъ* (ДЗат XII в.).

Знаковыми проявлениями идеи "вышениа" в средневековой культуре являлись, например, архитектурные устройства с их смысловыми акцентами на верхних структурах. Сакральные места описывались древнерусскими писателями как некие духовные ориентиры, располагающиеся обязательно на возвышении: "Эти священные места – как бы маяки, населяющие Русскую землю. Пространство как бы нуждается в том, чтобы оно было как можно больше населено историческими воспоминаниями и церковными реликвиями. И не случайно автор "Сказания о Борисе и Глебе" говорит, что оба брата были просты и смиренны, на "высокая мѣста и жилища въселистася". Священные места в Русской земле представляются автору как некие возвышенности, вышки, созданные людьми" [3]. В "Хождении" игумена Даниила в Иерусалим упоминаются "высокие" места, идея существования которых несет в себе концептуально связанные смыслы святости и духовного возвышения: *И ту есть мѣсто на верху горы тоя, красно и високо зѣло, и на том мѣстѣ Авраамъ, пад на лицѣ своемъ, поклонися Святѣй Троици ...* (ХДан XII в.). Известно, что церковь ставилась на самом высоком месте, а ее срединное (центральное) положение

подчеркивало ее значимость: *и посредѣ града того [Иерусалима] создана есть церкви велика вверху во имя Честнаго Креста, исписана есть добрѣ вся* (там же).

Высота небесная, божественная, духовная в системе православных ценностей противопоставляется земному, греховному, телесному низу: *Не делай же ничего, ничего не говори земного. Они вознесли тебя в горний чин, присоединили тебя к небесному лику. Зачем же ты низвергаешься долу?* – пишет Иоанн Златоуст в "Слове о сквернословии". Христианская религия закрепляет за "верхом" статус доминирующей оппозиции, нарушая баланс космологической монархии "верх/низ" еще в большей степени, чем в языческом мире, однако при этом предоставляет мощный культурный медиатор – образ Иисуса Христа. Богочеловек, показывающий образец смирения и кротости, транслирует идею "нижения" (самоуничтожения) в восточнославянскую культуру как одну из центральных идей христианства [2, с. 19–27].

Характерной чертой дидактической (в основном проповеднической) литературы Древней Руси стал уничижительный стиль подачи информации. Воспевая добродетели святых или своих предшественников и подчеркивая их духовную высоту, писатели намеренно делают акцент на собственной ничтожности. *Азь худый дэдомъ своимъ Ярославомъ, благословеннымъ, славнымъ ...* – пишет Владимир Мономах в начале своего "Поучения". И далее князь продолжает: *Да не възношюся суетою мира сего в пустошнэмъ семь жити* (Поуч. Мон. XI в.). Нестор, автор "Жития Феодосия Печерского", приступая к описанию жизни киевского праведника обращается к Господу: *Благодарю тя, владыко мой, Господи Иусе Христе, яко съподобилъ мя еси недостойнаго съповѣдателя быти святымъ твоимъ въгодником <...> еже выше моя силы, ему же и не бэхъ достоинъ – грубъ сы и неразумичьнъ, къ симъ же яко и не бэхъ ученъ никоеиждо хытрости, нъ въспоманухъ, Господи, слово твое, рекъшее: "Аще имате вэру яко и зърно горуцьно и речете горэ сей: преиди и въврзися въ море, и абие послушаетъ васъ"* (Жит. ФПеч. XII в.).

"Карнавальный" сценарий, по которому "верх" мог трансформироваться в "низ" и наоборот, являлся востребованным не только в мирской жизни, но и в сакральном контексте. Эволюционная изменчивость мира и воля Бога допускают возможность перехода полярных компонентов в свою противоположность: высокого в низкое, левого в правое, внешнего во внутреннее и наоборот. Ссылаясь на слова апостола Исаяи, митрополит Иларион предупреждает: *Всяка дэбрь исполнится и всяка гора и холмъ съмэрится, и будутъ криваа въ праваа, и острии въ пути гладькы* (Сл. Ил. XI в.). Концептуализируясь с понятиями "грех" и "зло", "низ" возвращается к своему исходному статусу: *Когда мы бываем низвержены искушением, тогда бесы немедленно приступают ... намерение же врагов наших состоит в том, чтобы к падению нашему прибавить еще рану* (Леств. 4: 69).

Сущность противоречия философии христианства, допускающей сосуществование полярных смыслов в пределах одного концепта, проясняется с помощью исследования характера соотношений базисных пространственных бинарностей с ключевыми концептами православной религии. В системе религиозно-этических воззрений своеобразным координатором полярностей "верх" и "низ" является дихотомический концепт ГОРДЫНЯ/СМИРЕНИЕ, одновременно принадлежащий к верхним и нижним ориентационным структурам. Таким образом, связи "низ – гордыня" и "низ – смирение" в контексте христианской морали исключают друг друга, создавая кватерную систему "верх – гордыня" → "низ – гордыня", "низ – смирение" → "верх – смирение", воплощенную в словах Евангелия от Луки: *Всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится* (Лк. 18: 14). Дискуссия о пределах смирения связана с психологической проблемой эгоцентризма религиозного фанатика, стремящегося возвыситься (подняться к Богу) через унижение плоти. В Древней Руси проблема разрешается одной из форм аскезы – юродством, где гордыне противопоставлено абсолютное смирение как полное принятие бесчестия и телесного уничтожения: *Якоже горделивый славам и честем радуется, тако смиреномудрый о своем бесчестии и уничижению радуется* (Жит. КБел. XV в.) (см. наши публикации о средневековом аскетизме: [1]). Религиозный подвиг и вера защищает от греха

гордыни: *и сия помышлзя не впадаеши в ровь гордостныи* (ЖВИ, 126в. XIV–XV вв. – СлДРЯ II: 408). В светской средневековой литературе спор о мере смирения переносится в плоскость концептуального поля "власть" (см., например, переписку Ивана Грозного с Андреем Курбским).

Русская философская мысль трактует смирение гордыни как базовую ценность русской ментальности, сформированную под влиянием христианской религии (Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Чаадаев, Н. Лосский, И. Ильин и др.). Такие черты русского характера, как покорность, кротость, терпимость, низкая самооценка, вселенское чувство сострадания и чувство вины, объясняются прежде всего созданием в коллективном сознании специфического концептуального поля понятия "гордыня", образованного по дихотомическому принципу, т.е. функционирующего только во взаимосвязи полярностей "гордыня" и "смирение" (ср. *терпэливыйи гордагш оукротить* (МПр, 11. XIV в.) – СлДРЯ II: 409). Интерпретация гордыни как недопустимого греха зиждится на ключевых идеях русской этической системы: "При обосновании негативного отношения к гордыне русская этическая мысль использовала в качестве аргументов такие идеи, как коллективная ответственность всех людей за мировое зло, бессилие человека, его смертность, ничтожество человеческой природы. Средневековые мыслители подчеркивали необоснованность притязаний человека, подверженного гордыне. Это вытекает из самого ничтожества его природы по субстанциальной основе (человек создан из праха), из его бессилия" [5]. Славянофилы усматривали в смиренности избранность русской нации, показывающей другим народам модель истинно христианского поведения (К. Леонтьев, А. Хомяков).

Особый взгляд на гордыню как смертный грех формируется в восточнославянской ментальности под влиянием не только Нового Завета и других канонических текстов, но и нравоучительной древнерусской литературы периода раннего христианства: *члв|къ моудръ оумльчить до врэмене ... гърдзи сз възненавидэнъ бодеть* (Изб. 1076 г., 170). В сочинениях отцов церкви Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Иоанна Лествичника, а также деятелей русской церкви Кирилла Туровского, Нила Сорского и других проповедников христианства страсть гордыни (синонимы: *гордость, своелюбие, возношение, высокомерие, самомнение*) концептуализируется с не менее греховной страстью тщеславия (которое Лествичник сравнивает с паутиной – *пиявица паутинного тщеславия*) и противопоставляется смирению и терпению: *Ничто так не любо богу, как не возноситься в чинах, и ничто столь не омерзительно ему, как высокомерная заносчивая хвастливость (самомнимая величава гордость)* (КТур "О чел. душе" XII в.). В логично выстроенный Иоанном Лествичником ряд понятий "высота (верх), крылья, сила, начальник" неожиданно включается метафора противоположного ряда – "крылатый червь", транслирующая содержание информационного поля концепта "низ". Созданный контраст является приемом образования яркой и запоминающейся метафоры, выполняющей медиативную функцию и показывающей возможность перехода одной противоположности в другую: *Часто случается, что червь, достигши полного возраста, получает крылья и взлетает на высоту, так и тщеславие, усилившись, рождает гордость, всех зол начальницу и совершительницу* (Леств. 22: 45). Метафора "червя" то подчеркивает ничтожность посяганий человека, то позволяет ему ощутить свою разумность в уничтожении греха: *Червь смэрень .г. и худъ ты же славень и гордь. но аще разумень еси. самъ оуничжиши гордость свою* (ЗЦ, 72б. к. XIV в. – СлДРЯ II: 409) (ср. из проповеди Иосифа Волоцкого: *Сегодня славен, а завтра снедаем червями* – ИВол., 214). *Но вперите си разумнэи крилэ и възлетим от губяцаго ны грэх!* – призывает Кирилл Туровский печерского игумена Василия и послушников монастыря (КТур XII в.).

Иоанн Лествичник, утверждавший, что "гордым бог противится а смиренным дает благодать" предостерегает: *Неусыпно наблюдай душевным твоим оком за възношением; ибо между обольщениями нет ничего губительнее сей страсти* (Леств. 27: 80); *Монах собственно есть тот, кто имеет невозносящееся око души* (Леств. 23: 22). Локализуется гордость в разуме, душе и сердце: *Паче же всего гордости не имейте в сердце и уме, но*

скажем: *смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу* (Поуч. ВМон. XI в.); *В ср(д)ци же гордость и величание* (МПр, 19. XIV в. – СлДРЯ II: 408).

Одержимый страстью гордыни попадает в категорию изгоев, так как гордость влечет за собой моральные и социальные преступления: *горди законъ престоупахоу* (ПНЧ, 203в. XIV в. – СлДРЯ II: 409); *не хотяше високаго и гордаго но всегда смэрена* (ГБ 199а XIV в. – СлДРЯ II: 409). Падение гордеца, его унижение – расплата, наказание за грех: *оуничежение гордымь* (СБЯр, 145 об. XIII в. – СлДРЯ II: 409).

Однако идея самоуничижения не является приобретением христианства или какой-либо отдельной культуры. Интересны в этом отношении наблюдения и выводы Х. Ортеги-и-Гассет: "В японском языке нет местоимений первого и второго лица ед. числа. Говорящий называет себя одним из следующих способов: "ничтожество", "глупец", а взамен местоимения второго лица он скажет "почтенное тело", "высочество" и т. п. Он говорит о себе в третьем лице, как об объекте, пребывающем во внешнем мире. Этикет устанавливает в каждой ситуации, кто из этих как бы внешних объектов должен быть обозначен как "Ничтожество", а кто – как "Почтенное тело". В языке североамериканских индейцев хупа местоимение третьего лица ед. числа варьируется в зависимости от того, относят ли его к ребенку или старику. Следует также сказать, что обращения типа *ваше высочество, ваше величество, ваше преосвященство* и т. п. предшествовали местоимениям "я" и "ты". Неудивительно, что лексика располагает малым количеством слов, которые с самого начала обозначали феномены психики" [4, с. 76]. Несомненно, что подобные этикетные формы, имеющиеся и в современной коммуникации, содержат в себе глубинные представления человека о себе, как о неодушевленной сущности. Намеренное умаление своих достоинств, по-видимому, также связано с давним табу на похвалу, так как самовосхваление может привлечь нежелательное внимание злых духов и зависть людей. Предположения Х. Ортеги-и-Гассета об онтогенезе социальной титулатуры имеет основания, если признать, что когнитивная модель "верх – низ" является одним из первичных допущений, формирующим миропонимание человека в связи с развитием его эгоцентризма.

Комплементарная оппозиция "гордыня – смирение" имеет в культуре знаковые телесные воплощения: поднятая вверх или опущенная вниз голова, прямой взгляд и опущенные долу глаза, выпрямленная и согбенная спина, несогнутые ноги и коленопреклонение. Телесный маркер смирения –склоненная голова – показывает смиренность ума (= мудрость) христианина. Устойчивые сочетания *выше главы* "сверх дозволенного; очень много", *посыпать главу* "покаяться" и пр. презентируют телесное выражение идеи "нижения": *согрэшенья наша выше главы нашея терпять; помазаникъ Божий Давыдъ, прелюбодэянье створивъ, посыпа главу свою и плакася горко* (Поуч. Мон. XI в.). Метафорические выражения *поклонить голову, склонить голову, смирить голову* означали "покориться, смириться" (т. е. унизиться): *Чрез естество облечеса нелепотие ... по всему подобие, яко нога венчеваема, глава же смиряема* (Тимоф. Временник, 111–112. XVII в.); *Исъ же низу поклоньсз* (МПр XIV в. 41 об). Склонение головы также свидетельствует о признании своего зависимого положения, а также о стремлении к защищенности: *В истинных послушниках я не имею, где главу подклонить* (Леств. 13: 15).

Семантический оттенок содержит часто употребляемый глагол *восклонить*, где приставка имеет значение действия "приподнять, выпрямить, повернуть, направить", противоположного нижению: *Блаженааго же Бориса обьртэвьше въ шатъръ възложивъше на кола, повезоша. И яко быша на бору, начатъ въскланяти святую главу свою* (СкБГл. XI в.); *Дньс въсклоненье главѣ и поновленье нашему спасенью дньс низу паденье* (СбЧуд, 139–140. XIV в. – СлДРЯ II: 68). Уже в древнерусский период глагол расширяет семантику: *Нужно въсклонишисз от сгорбленья* [от земных похотей] (ГБ, 40в. XIV в.); *Восклонитесь молитвою* (ЖФСт, 164. XII в.; Прл, 47в. XIII в.). Фразема *възклоньнь очима* означает "со взором устремленным вверх": *старьць великыма очима всеклоньнь* (Прл, 36а. XIII в.) (СлДРЯ II: 68–69).

Концептуалізуясь с християнськими ідеями спасення, смирення, "низ" отримує позитивну маркованість. Поклонення (служення) Богу являється в християнстві формою возвищення людини: *Нечистых бес, сказавший некогда Самому Господу: ... сия вся Тебе дам, аще пад поклонимся* (Мф. 4:9); *Посему и мы, презирая его и вмняя за ничто влагаемые им помыслы, скажем ему: Иди за мною* (т. е. "отойди от меня") *сатано; Господу Богу моему поклонюся и Тому единому послужу* (Леств. 23: 48); *Да хвалимъ его убо и прославляемъ хвалимааго от ангель беспрѣстани, и поклонимся ему, емуже поклоняются херувими и серафими, яко, призря, призрѣ на люди своа* (Сл. Ил. XI в.).

"Чорно-біла" культура Русі, не допускаюча компромісів і відступлень, лише з часом трансформує інформаційне поле поняття "гордыня". Локалізація атрибутивних маркерів "высокомерие", "тщеславие" в поле "гордыня" і десакралізація означених значень дозволяє з часом сформувати відносно самостійну зону поняття "гордыня". Однак такі "засоби нагадування" (термін К. Леви-Строса), як, наприклад, просторечні фраземи *не задирай нос высоко; чем выше взлетишь, тем ниже упадешь; не кичись, а лучше в ножки поклонись* і т. п., визначають низький статус орієнтації "верх", концептуалізованій з поняттям "гордыня".

Дослідження просторової когніції і її мовних репрезентацій з допомогою тілесно орієнтованої метафори в її зв'язі з ключовими поняттями християнської лінгвокультури, дозволяє проаналізувати мовні нюанси не тільки просторово-орієнтаційного представлення, але і просторово-орієнтаційного поведінки людини Давньої Русі. Незважаючи на те, що перший компонент бінарності "верх – низ" має в свідомості статус позитивної опозити, його семантична позиція піддається трансформації, що виражається в амплітудних коливаннях крайніх членів орієнтаційної дихотомії. Динаміка таких коливань прослідковується в інформаційному полі діахронічного поняття ГОРДЫНЯ/СМИРЕНИЕ, маючому численні мовні репрезентації в давньоруській культурі. Зміна аксіологічних установок в суспільстві, неминливе в процесі історичного розвитку, впливає на можливість "карнавалізації" полярних орієнтаційних маркерів, концептуально зв'язаних з важливими культурними значеннями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коч Н. Особенности концептуализации понятия "боль" в восточнославянской культуре (на материале памятников письменности древнерусского периода) // Сб. научн. статей. Сер. "Концептуальный и лингвальный миры". – М.: Флинта; Наука, 2013. – С. 235–247.
2. Коч Н. Языковая реальность "телесно ориентированной метафоры" // Актуальні проблеми іноземної філології: зб. наук. статей / [за ред. В. А. Зарви]. – Бердянськ: Вид-во БДУ, 2012. – 272 с. – Вип. VII. – С. 19–27.
3. Лихачев Д. С. Вводное слово // Библиотека литературы Древней Руси / под общ. ред. Д. С. Лихачева и др. [Электронный ресурс]. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 1 / Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru>.
4. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры: Теория метафоры: Сборник / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с. – С. 68–81.
5. Рябов О. В. Гордыня и смирение в русской философской мысли XI–XX вв.: Основные аспекты проблемы [Электронный ресурс] // Философский альманах. – № 3–4. – 1999. – С. 168–183 / Режим доступа: <http://cens.ivanovo.ac.ru/olegria/gordynya-i-smirenje.htm>.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. ДанЗат – Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы Древней Руси / [под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко]. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 4: XII век. – 687 с. [Электронный ресурс] (далее – БЛДР) / Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru>.
2. Жит. КБел. – Житие Кирилла Белозерского // Там же.
3. Жит. ФПеч. – Житие Феодосия Печерского // Там же. – Т. 1.

4. ИВол. – Иосиф Волоцкий, прп. Просветитель. – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. – 375 с.
5. Изб. 1076 г. – Изборник 1076 г. // БЛРД. – Т. 2.
6. КТур. – Слова и поучения Кирилла Туровского // Там же. – Т. 4.
7. Леств. – Преп. Иоанн Лествичник. Лествица, возводящая на небо. – Симферополь: Изд-во Шпатакова "Родное слово", 211. – 368 с.
8. ЛИ – Летопись Ипатьевская. Сп. ок. 1425 г. // ПСРЛ. – т. 2. – СПб., 1908.
9. Поуч. Мон. – Поучение Владимира Мономаха // БЛДР. – Т. 1.
10. СлДРЯ – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.: [в 10 тт.] / [под ред. Р. И. Аванесова]. – М.: Русский язык. – Т. II, 1989. – 494 с. (список сокращений источников см. Т. I; С. 24–68).
11. Сл. Ил. – Слово о законе Илариона // БЛДР. – Т. 1.
12. Тимоф. Врем. – Временник Ивана Тимофеева. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
13. ХДан – Хождение игумена Даниила // БЛДР. – Т. 4.

УДК 811.161.1'373.612.2'821

Юлия Кравцова
(Киев)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА "ПТИЦА" В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

У статті описано метафоричний концепт "Птах", виявлений у російській поезії і прозі першої половини ХХ ст., відповідно до розробленої автором методики аналізу, що дозволяє визначати зміст і структуру цього ментального конструкту.

Ключові слова: метафоричний концепт, узуальна метафора, оказіональна метафора, репрезентант, асоціат.

The article provides a description of the metaphorical concept "Bird", detected in the Russian poetry and prose of the first half of the XX century in accordance with technique of analysis elaborated by the author, that allows to determine the content and structure of this mental construct.

Key words: metaphorical concept, usual metaphor, occasional metaphor, representative, associative.

Постановка проблеми. Исследование национально-культурной специфики метафорической концептуализации и репрезентации мира, отображающей традиции того или иного этнокультурного сообщества, способствует постижению сущности метафорического мышления и механизмов метафорической номинации. Метафорическая концептосфера этноса, входящая в состав общей концептосферы, содержит релевантные для него образные представления о мире, которые складываются на основе устойчивых ассоциаций у носителей языка и эксплицируются в разных метафорических наименованиях.

Репрезентация метафорических концептов наиболее ярко и полно осуществляется в художественных текстах, так как в метафорике писателя находят отражение сложившиеся стереотипы метафорического мышления данной этнокультуры, носителем которой он является, и его индивидуальные образные представления о мире, вербализуемые соответственно в узуальных и окказиональных метафорах.

Анализ последних публикаций. Понятие метафорического концепта (МК), эквивалентного понятию концептуальной метафоры, было введено, как известно, Дж. Лакоффом и М. Джонсоном для описания когнитивной природы метафоры (1980). На рубеже ХХ–ХХІ вв. термин "метафорический концепт" (= концептуальная метафора) получил широкое распространение в лингвометафорологии (А. Н. Баранов, И. М. Кобозева,